

Несколько лет Солженицын прожил на даче у Вишневской и Ростроповича. Около их дома постоянно дежурила черная "Волга" с несколькими пассажирами в штатском. Когда Мстислав Леопольдович проезжал мимо, то сигналил им, как старым знакомым.

— После того как вас выслали из СССР, вы с ней так и не встречались?

— Нет. Она делает вид, что ничего не произошло. Если бы она сломила в себе все, что в ней есть, и пришла бы ко мне — я бы ее приняла. Как можно не принять человека, который просит тебя простить? Надо. Грех не простить-то. Нет греха непростительного, есть грех нераскаянный.

— То есть вы незлопамятная?

— Нет. Но память у меня хорошая. Очень. Можете по книге судить. Я помню себя с 4 лет и могу вам все рассказать, когда и что было. Зла не помню. Но что это случилось — знаю.

— Вы столько пережили в своей жизни — осталось что-то, чего вы боитесь?

— Знаете, нас спрашивают, почему мы не берем советское гражданство.

— Российское.

— Российское. Правильно. Потому что по воле советской власти моя семья оказалась там. У моих двух дочерей мужья иностранцы. Мои шесть внуков родились и живут за границей. Тащить сюда семью, заставить их сюда приехать я не имею права. Пережив то, что я пережила. И рисковать своими внуками я не могу. Не имею права.

— Риск есть?

— Пока да.

— Почему "пока"?

— "Пока" — потому что все меняется. И я уверена, что Россия останется свободной. Обязательно. Вы знаете, я сейчас смотрю "Московскую сагу". Так все всколыхнулось. Очень правдоподобный фильм. Я эту жизнь знаю. Берия, Сталин... Когда тебя согнут в дугу и требуют полного повиновения. На коленях. "И проси. А я ломаться буду". В своей книге "Маска и душа" Шаляпин пишет: "В Россию я не вернусь — мне там рожу горчицей вымазали". Да? Это все мы пережили. Я уверена, народ смотрит и делает выводы.

— В чем выражается угроза вашим внукам?

— Просто еще время не пришло. Мы же купили дом в Санкт-Петербурге — я для внуков это делаю. Я хочу, чтобы они сюда приехали, чтобы они были в России. Но тащить их я не имею права.

— Вы железная женщина...

— ... нет.

— Вы можете заплакать или уже все слезы выплакали?

— Заплакать? Могу. Просто так их из меня не выжмешь, но могу, и еще как.

— А когда последний раз плакали?

— Утром. На этом фильме. Вот война, и идет мужики. Мужчины России, ополченцы с чемоданчиками. Идет эта сила народная. На мясорубку, не родив детей. И все. А кто вернулся — в концлагеря, за то что в плену был. Боже мой. Сегодня и плакала.

— В следующем году у вас со Мстиславом Леопольдовичем 50 лет супружеской жизни — золотая свадьба. Вы венчаны?

— Да. Тайно. Нас венчал в Саратове архиепископ Хмелевский. Это было на десятый год, как мы были женаты. У себя дома венчал. Все же отслеживалось. Он был наш друг.

— Мужу не напоминаете, что сейчас он мог бы быть Мстиславом Вишневым?

— Да-да. На Пушкинской улице заго был. В поворотне, напротив комиссионки. Там помойка была справа, в углу. Ее нужно было по двору обходить, и дверь загса тут же рядом. И тетка сидела. (Начинает говорить писклявым голосом.) "Галина Павловна! Замуж выходите? Душенька. Я была на вашем спектакле, я вас обожаю. Значит, замуж... Сейчас впишем. Супруга: Галина Павловна Вишневская. И супруг. Как ваша фамилия?" — "Ростропович". — "Товарищ Рассупович. Ну что это за

«Женщине подарил бриллиант чем больше, тем лучше — и она довольна. А вот мужчине... Не будешь же покупать какие-то запонки или часы...»

Галине Павловне не привыкать общаться с первыми лицами государства. С Владимиром Путиным и Жаком Шираком. 2000 год.

